

Памяти Н. Ф. Каптерева.

Тяжелая, незамѣнимая потеря! Наука потеряла одного изъ самыхъ своихъ безкорыстныхъ служителей, общество—благороднаго борца, друга и ученики—рѣдкаго, добраго, чистаго человѣка. Еще годъ назадъ, несмотря на свои 70 лѣтъ, Николай Федоровичъ имѣлъ видъ бодрый и крѣпкій; казалось, ему еще много жить, много работать. Но злой вѣтеръ Невы, злая атмосфера революціоннаго Петрограда преждевременно свалили его на одръ смертельной болѣзни. Весной вернулся онъ въ Посадъ съ застарѣлымъ воспаленіемъ легкаго, пролежалъ лѣто, половину зимы, медленно угасалъ въ борьбѣ со смертью, и вотъ его нѣтъ. И трудно этому повѣрить. Кажется, сейчасъ скрипнетъ калитка и войдетъ во дворъ высокая, благородная фигура, въ барашковой шапкѣ, какъ-то молодцевато вздернутой на затылокъ, со смѣлымъ, оригинальнымъ, улыбающимся лицомъ, напоминающимъ византійскаго угодника... Миръ тебѣ, безкорыстный труженикъ, смѣлый обличитель неправды, добрый семьянинъ, незамѣнимый собесѣдникъ!

Не гладко шла жизнь Николая Федоровича. Долгіе годы его ученаго подвига прошли въ тяжелой, упорной борьбѣ съ нашимъ полицейскимъ строемъ, давившимъ свободу научнаго изслѣдованія. Подобно Голубинскому, Каптеревъ былъ новаторомъ въ исторіи русской церкви, проводилъ новую, смѣлую точку зрѣнія на расколъ, на отношенія Россіи къ православному Востоку. Его капитальные труды (три тома о патріархѣ Никонѣ и „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“) долго будутъ единственными, незамѣнимыми источниками для изу-

чающихъ расколъ старообрядчества. Кромѣ своихъ чисто научныхъ достоинствъ, написанныя изящнымъ, литературнымъ языкомъ, книги Н. Θ. играли и будутъ играть большую роль въ церковной практикѣ. По новому освѣтивъ исторію раскола, Каптеревъ много сдѣлалъ для примиренія церкви со старообрядцами. Объективно и безпристрастно рисуетъ Каптеревъ борьбу Никона съ Аввакумомъ, не закрывая и не преувеличивая ни пороковъ, ни добродѣтелей этихъ ожесточенныхъ враговъ. Спокойный рассказъ Каптерева выгодно отличается и отъ злостнаго памфлета Валишевскаго, напитаннаго польской желчью, и отъ зрѣмѣрной идеализаціи англійскаго поклонника Никона—Пальмера. Передъ нами встаетъ живой Никонъ, иногда гордый, иногда жестокий, но въ то же время милосердный нищелюбецъ, и во многомъ предшественникъ Петра Великаго, крутой борецъ съ національной косностью, смѣлый новаторъ. Н. Θ. не оправдывалъ ни ту, ни другую изъ борющихся сторонъ: обѣ онѣ были неправы, обѣ стояли на узкой, формальной, обрядовой точкѣ зрѣнія, для обѣихъ вопросъ о перстосложеніи затрогивалъ самое сущность православія. Аввакумъ—борецъ за чистоту вѣры, впадалъ въ грубыя догматическія ошибки. Исторія раскола страшное, роковое недоразумѣніе, причины его—духовная темнота нашихъ предковъ и недостойное поведеніе греческихъ іерарховъ, явившихся къ намъ безъ достаточныхъ полномочій и самовластно рѣшавшихъ дѣло нашей церкви. Н. Θ. доказывалъ, что яблоко раздора—двоперстіе принадлежитъ къ измѣнчивой, формальной стихіи церковной жизни, а не къ ея неизмѣнной догматической основѣ. Древнѣйшій способъ крестнаго знаменія былъ единоперстіе, затѣмъ двоперстіе и наконецъ троеперстіе. Старообрядцы были правы, настаивая на томъ, что двоперстіе болѣе старинная форма, чѣмъ троеперстіе. Неправы они были тогда, когда отрицали законность троеперстія, усматривали въ немъ ересь. Но Никонъ и другіе борцы съ расколомъ не могли возвыситься до различенія неподвижной догматической стороны православія отъ его внѣшнихъ, развивающихся формъ. Старообрядческому обожествленію двоперстія они противопоставили столь же грубое обожествленіе троеперстія.

Выводы Каптерева не могли не испугать духовное началь-

ство. То, что онъ говорилъ, рѣзко отличалось отъ разсказовъ нашихъ учебниковъ. Вмѣстѣ со старообрядцами Н. Θ. доказывалъ, что двоеперстіе—старѣйшая, освященная традиціей Востока, форма перстосложенія. Этого нельзя было терпѣть. Каптереву была объявлена война сверху, на него вооружили проф. Субботина, книгамъ его грозила участь исторіи Голубинскаго. Каптеревъ не уступилъ и отбилъ нападеніе Субботина. Детальный и жестокой разборъ возраженій Субботина приложенъ Каптеревымъ къ его книгѣ „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“. За то среди старообрядцевъ труды Каптерева стали популярны, ихъ жадно раскупали, имя Каптерева произносилось съ благоговѣніемъ. И не мудрено! Онъ первый подошелъ къ нимъ не съ предубѣжденіемъ церковнаго политика, а съ гуманностью чистаго ученаго, съ мягкостью и деликатностью, на которыя было способно его рѣдкое сердце. Но при томъ гонимый и обличаемый проф. Духовной Академіи не только не уступалъ старообрядцамъ, а, напротивъ, смѣло высказывалъ имъ горькія истины и убѣждалъ примириться съ церковью, строго различая сущность православія отъ постановленій собора 1667 года и темныхъ дѣлъ, учиненныхъ сомнительными делегатами восточныхъ патріарховъ. Передъ самой своей смертельной болѣзнью Н. Θ. имѣлъ въ Петроградѣ собесѣдованіе съ однимъ старообрядцемъ. „Мы признаемъ, что были неправы, положивъ клятвы не двуперстіе“, говорилъ Н. Θ. „Мы снимаемъ эти клятвы, и вотъ я передъ Вами крещусь двумя перстами. Признайте и Вы, что это—вещь условная, перекреститесь и Вы по нашему, тремя перстами, и миръ будетъ заключенъ“.—Но „ревнитель отеческихъ преданій“ нахмурился и отошелъ, не желая осквернить себя „ніконіанскимъ“ перстосложеніемъ. Широта и правда православія выгодно показала себя рядомъ съ узостью и ложью старообрядческаго націонализма.

Не только въ отношеніи раскола, но и по другимъ вопросамъ Н. Θ. выдвинулъ новыя точки зрѣнія. Послѣ его сочиненія „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ ходячая идеализація греческаго Востока сдѣлалась болѣе невозможной. Каптеревъ представилъ безнадежную картину нравственнаго рас-

тлѣнія и невѣжества, симоніи, торговли индульгенціями, въ которыхъ погрязаль Востокъ. Такимъ образомъ оправдывалась западническая политика послѣднихъ лѣтъ царствованія Алексѣя и Петра Великаго. Россія нуждалась въ духовномъ просвѣщеніи, его нельзя было взять съ Востока, пришлось искать его на западѣ. Алексѣй и его сынъ были правы. Своеобразно освѣщаль Каптеревъ и значеніе Московскаго патріаршества. Онъ рѣшительно возставалъ противъ пониманія русскаго патріаршества, учрежденнаго въ 1589 году, какъ знаменія церковной свободы. Патріаршество было введено паремъ съ цѣлью еще тѣснѣе связать церковь и государство. Патріархъ былъ органомъ царской власти, соборное начало въ Московской Руси XVII в. *de facto* не существовало. Выборъ патріарха, созваніе собора, опредѣленіе его состава,— все это было всецѣло въ рукахъ царя. Дѣло измѣнилось при Никонѣ, который выдвинулъ древній принципъ церкви: „Священство выше царства“. Но для дѣла Никона не было почвы въ Московской Русси. Оно явилось одинокой попыткой.

Такимъ образомъ Н. Θ. раздѣлялъ и традицію и участь Голубинскаго. Подобно Голубинскому, разрушалъ онъ традиціонную идеализацію старой Руси, ярко рисовалъ антагонизмъ между русскою церковью и восточными патріархами, приведшій къ окончательному разрыву передъ эпохой Петра Великаго. И, подобно Голубинскому, онъ живо чувствовалъ и любилъ нашу церковную старину, отличая нравственный смыслъ православія отъ приставшихъ къ нему элементовъ народнаго невѣжества и византійской лжи.

Н. Θ. былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ. Въ его умѣ хранилось много интересныхъ, живыхъ воспоминаній о его путешествіи на Востокъ, въ Константинополь и Римъ, гдѣ онъ изучалъ нравы и бытъ греческой церкви. Но не полонъ былъ бы образъ Н. Θ., еслибъ мы не упомянули о немъ, какъ о рѣдкомъ семьянинѣ, съ благоговѣніемъ стараго римлянина охранявшемъ святость домашняго очага. Семья въ глазахъ Н. Θ. была необходимой нравственной школой, разсѣдникомъ всякой добродѣтели. Онъ умѣлъ создать въ своемъ домѣ рѣдкую, чистую семейную атмосферу, которая благотворно вліяла на каждаго, переступавшаго его порогъ. Въ его семейномъ быту было что-то англійское, напомина-

ющее идеальныя семьи въ романахъ Диккенса. Н. Θ. много жилъ и много сдѣлалъ. Его смерть нельзя назвать преждевременной, но все же трудно ей повѣрить... Особенно теперь нужны Россіи такіе люди, съ непреклонной совѣстью, яснымъ умомъ и золотымъ сердцемъ, какимъ былъ Н. Θ. Каптеревъ.

Свящ. Сергій Соловьевъ.

Памяти протопресвитера В. С. Маркова.

А вотъ еще одна могила. Какъ знать, можетъ быть, и этотъ человѣкъ прожилъ бы еще пять, шесть, семь лѣтъ, не разразись надъ нами этотъ жестокій годъ крови, голода, холода и разрухи. Почти въ одно время съ Каптеревымъ скончался хорошо извѣстный благочестивой Москвѣ протопресвитеръ храма Христа Спасителя Владиміръ Семеновичъ Марковъ.

Большая часть жизни покойнаго прошла въ служеніи при храмѣ св. Троицы на Арбатѣ, гдѣ онъ унаслѣдовалъ мѣсто своего тестя, извѣстнаго Ипполита Михайловича Богословскаго. В. С. умѣлъ создать въ своемъ храмѣ подлинное молитвенное настроеніе. Пройдетъ его величавая фигура, со снѣжносеребряными волосами, какъ-то пахнѣтъ благодатью, благостью, добротой, — и все какъ-то подтянулось, облагообразилось. „Благообразіе“ — вотъ слово, всего лучше опредѣляющее В. С. Кто не помнитъ его тихое, музыкальное чтеніе евангелія или покаяннаго канона на мѣхимонахъ? Много лѣтъ привлекалъ В. С. въ свой храмъ богомольцевъ и когда переведенъ былъ протопресвитеромъ въ Московскій Успенскій соборъ, все у Троицы на Арбатѣ какъ-то потускнѣло и пришло въ упадокъ, и одна была радость у осиротѣвшихъ прихожанъ, когда прежній настоятель изрѣдка навѣщалъ свой храмъ и служилъ въ своей роскошной протопресвитерской митрѣ.

Въ 1913 г., въ одинъ лѣтній день, я зашелъ къ обѣднѣ въ храмъ Христа Спасителя, и послѣ службы навѣстилъ настоятеля. Онъ былъ одинъ въ квартирѣ, семья его была на дачѣ. В. С. угощалъ меня чаемъ съ просфорой. Мы раз-